

ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ

Аннотация. Правовая защита репродуктивных прав человека должна рассматриваться не только в рамках права, но и в рамках проводимой демографической политики, поскольку от её качества зависит рост или снижение численности населения. Видом правовой защиты является уголовно-правовая защита, цель которой не допустить наиболее опасных посягательств на репродуктивные права. В настоящее время уголовное законодательство формулирует составы тех преступлений, которые посягают на наиболее значимые для человека и общества репродуктивные права. Перечень этих репродуктивных прав предложен в данной статье. Однако, несмотря на это, репродуктивные права не рассматриваются Уголовным кодексом РФ в качестве основы для классификации, в результате которой можно было бы объединить все преступления, посягающие на названные права, в единую главу. Не в малой мере препятствием этому является отсутствие законодательного определения в качестве объекта уголовно-правовой защиты репродуктивных прав. В связи с этим встаёт немало проблем, направлением решения которых может быть законодательное определение объекта уголовно-правовой защиты. Также в статье определены некоторые тенденции в развитии законодательства, определяющего уголовно-правовую защиту репродуктивных прав.

Ключевые слова: объект уголовно-правовой защиты; репродуктивные права; демографическая политика; состав преступления; уголовное законодательство.

OBJECT OF CRIMINAL PROTECTION REPRODUCTIVE RIGHTS

Abstract. Legal protection of human reproductive rights should be considered not only within the framework of the law, but also within the framework of demographic policy, since its quality affects the population. A type of legal protection is criminal legal protection, the purpose of which is to prevent the most dangerous attacks on reproductive rights. Currently, the criminal law formulates the elements of those crimes that infringe on the most important reproductive rights for a person and society. A list of these reproductive rights is provided in this article. However, despite this, reproductive rights are not considered by the criminal code as a basis for classification, as a result of which it would be possible to combine all crimes that infringe on these rights into a single Chapter. A significant obstacle to this is the lack of a legislative definition of reproductive rights as an object of criminal law protection. In this regard, many problems can be solved by legislative definition of the object of criminal law protection. The article also identifies some trends in the development of legislation that defines criminal law protection of reproductive rights.

Key words: object of criminal legal protection; reproductive rights; demographic policy; crime structure; criminal legislation.

Одной из актуальных правовых проблем последнего времени является проблема защиты репродуктивных прав человека [1]. Это связано с тем, что реализация данных прав имеет значение не только для конкретных людей, но и для общества,

государства в целом. Они особенно важны ввиду важности для государства проведения демографической политики [2]. Общество и государство заинтересованы в воспроизводстве населения, поскольку это обуславливает благосостояние, которое проявляется в экономическом росте, социальном развитии, политическом авторитете, а также в иных сферах. То есть реализация репродуктивных прав конкретным человеком совпадает с интересами общества и государства. Это является причиной той демографической политики, которая проводится в настоящее время в Российской Федерации. С целью максимального обеспечения репродуктивных прав человека в настоящее время наукой предложены соответствующие технологии, которые способны их гарантировать даже в тех случаях, когда имеются к этому естественные и иные препятствия (возраст, состояние здоровья). Применение этих технологий существенно расширяет возможности по реализации репродуктивных прав человека [3]. Более того, встаёт даже вопрос о возможности выделения особого права – права на применение соответствующих репродуктивных технологий.

Проводимая демографическая политика в качестве одного из важнейших элементов должна предусматривать поощрение и защиту репродуктивных прав [4]. Поощрение должно состоять в предоставлении льгот и иных стимулов, которые бы подталкивали людей к реализации своих субъективных репродуктивных прав. Люди должны иметь определённые дополнительные интересы в реализации репродуктивных прав. В этом направлении в Российской Федерации немало делается, в частности, среди таких действий – предоставление «материнского капитала». Защита предполагает целую систему мер, которые бы оградили человека от покушения на принадлежащие ему репродуктивные права. При этом защита вовсе не сводится к мерам привлечения к юридической ответственности. Она также включает в себя и иные меры, среди которых экономические и социальные. Создание эффективной системы репродуктивного здоровья является одним из видов средств по защите названных прав человека. Правовые средства защиты репродуктивных прав состоят в системе мер и действий, закреплённых в действующем законодательстве, которые гарантируют каждому человеку реализацию принадлежащих ему репродуктивных прав [5]. Спектр этих правовых средств защиты достаточно широк, и состоит он не только в установлении запрета на совершение определённых действий, которыми может быть причинён вред реализации репродуктивных прав, но и в определении порядка выполнения отдельных процедур, благодаря которым эти права реализуются в полном объёме. К примеру, медицинские репродуктивные технологии представляют собой достаточно чётко определённую последовательность в выполнении соответствующих медицинских процедур, которые способны обеспечить полную реализацию репродуктивных прав [6].

В связи с этим установление юридической ответственности за покушение на репродуктивные права человека – это только один из аспектов их защиты [7]. Но в этом аспекте проявляется сила государственного принуждения в отношении лиц, покушающихся на названные права человека. В нём проявляется воля государства к защите репродуктивных прав человека. Более того, здесь также отчётливо обнаруживается интерес государства в проведении демографической политики, в соответствии с которой должен обеспечиваться постоянный рост населения. В связи с этим вполне можно констатировать то, что субъект, посягающий на репродуктивное право конкретного человека, посягает одновременно на демографический интерес государства, которое заинтересовано в воспроизводстве населения. По этой причине можно констатировать то, что защита репродуктивных прав должна носить не частный, а публичный характер. Это обозначает то, что государство в лице своих органов и должностных лиц должно проявлять инициативу в защите репродуктивных прав даже в случае отсутствия заявления от конкретного человека в случае посягательства на них. Кроме того, оно не должно быть пассивным и реагировать только на поступившие сообщения, а должно также

предпринимать меры к выявлению названных посягательств. Это должно достигаться посредством деятельности соответствующих государственных органов, осуществляющих контрольные и надзорные функции.

Вполне очевидно то, что ценность отдельных репродуктивных прав и способов их реализации настолько актуальны для общества и государства, что за покушение на них устанавливается уголовная ответственность – наиболее суровый вид юридической ответственности [8]. Этим государство подчёркивает то, насколько соответствующие репродуктивные права представляют для него ценность [9]. При этом следует отметить то, что объектом посягательства соответствующих преступлений являются правоотношения, посредством которых названные права реализуются. То есть сами репродуктивные права являются объектом уголовно-правовой защиты, но объектом соответствующих преступлений являются не они, а те правоотношения, посредством которых они реализуются [10]. Этим подчёркивается то, что под угрозу ставятся субъективные репродуктивные права человека [11]. Объективное репродуктивное право не может пострадать от каких-либо действий, поскольку это право, закреплённое в соответствующих законодательных актах. Оно провозглашается в законе, в законе определяются способы, механизмы и средства его реализации, но воспользоваться или не воспользоваться им решает сам человек. Названные права реализуются конкретным человеком посредством выполнения им соответствующих действий, которые выполняются в определённых отношениях с другими людьми. Тем самым понятия «объект уголовно-правовой защиты» и «объект преступления» хотя и достаточно близки, но не являются тождественными: в первом случае – это охраняемые государством права, а во втором – правоотношения, которые возникают в ходе реализации соответствующих прав. Кроме того, когда речь заходит об уголовно-правовой защите, то здесь охватывается достаточно широкая сфера не только того, на что конкретно посягает соответствующее действие, но и весь спектр действий и отношений, которые направлены на то, чтобы не допустить соответствующего преступления. В случае уголовно-правовой защиты репродуктивных прав охватывается в том числе деятельность по профилактике соответствующих преступлений, их предотвращению.

Несмотря на значимость для общества и государства защиты репродуктивных прав, структура уголовного законодательства выстроена без их учёта. В Уголовном кодексе РФ отсутствуют разделы, главы, в которых в качестве критерия объединения составов преступлений выступали бы репродуктивные права в качестве объекта. При этом не следует отождествлять репродуктивные права в качестве объекта преступного посягательства и права на половую неприкосновенность [12] и половую свободу [13]. Бесспорно, что данные права достаточно близки, поскольку половые особенности каждого конкретного человека непосредственно связаны с репродуктивными способностями этого человека. Соответственно, половые отношения – это отношения, которые связаны с репродуктивной функцией. Однако они могут быть направлены не только на воспроизводство, но и на получение, к примеру, удовольствия. В частности, внебрачные связи чаще всего преследуют именно это и вовсе не направлены на то, чтобы в результате на свет появился ребёнок. Следовательно, репродуктивные права и право на половую свободу и неприкосновенность нельзя отождествлять. Поэтому главу 18 УК РФ, которой охватываются преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, нельзя рассматривать, как главу, в которой объединены все составы преступлений, посягающих на репродуктивные права человека. Более того, идея уголовно-правовой защиты репродуктивных прав не лежала изначально в основе Уголовного кодекса РФ в период его принятия. Это с очевидностью указывает на то, что ни общество, ни государство в тот период не видели этой проблемы. Причём не видели вовсе не из-за того, что её не было, а, видимо, потому, что её наличие не осознавалось ввиду того, что другие проблемы считали более

важными и значимыми. Первоочерёдность их решения не позволяла понять значения создания системы уголовно-правовой защиты репродуктивных прав.

Следует отметить то, что отсутствие понимания необходимости уголовно-правовой защиты репродуктивных прав в период принятия Уголовного кодекса РФ вовсе не связано с отсутствием этой проблемы. Проблема демографии уже давно стоит в России и требует своего решения, но государство и общество ещё не достигли на тот момент такого своего развития, когда очевидным является связать низкий уровень воспроизводства населения с реализацией каждым отдельным человеком своих репродуктивных прав. В настоящее время это стало очевидным, а потому стало необходимым выделять в качестве объекта уголовно-правовой защиты репродуктивные права человека. Не исключено то, что вскоре может назреть необходимость в новой структуризации уголовного законодательства, когда в Уголовном кодексе необходимо будет выделить самостоятельную главу, предусматривающую уголовную ответственность за преступления против репродуктивных прав человека. Однако для этого необходима соответствующая теоретическая основа, позволяющая достаточно чётко разграничивать преступления, направленные против репродуктивных прав человека, от других преступлений [14]. Особенно большие проблемы здесь имеются в части разграничения с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы.

Одной из проблем уголовно-правовой защиты репродуктивных прав является определение круга тех преступлений, которые на них посягают [15]. Сложность здесь состоит в том, что если слишком широко понимать посягательство на репродуктивные права, то в перечень соответствующих преступлений необходимо включить неопределённо много преступлений. В частности, необходимо будет включить убийство (ст. 105 УК РФ), поскольку лишая жизни человека, преступник лишает его возможности реализовать принадлежащие потерпевшему репродуктивные права. Однако такой подход не может быть принят в качестве критерия классификации преступлений, посягающих на репродуктивные права, поскольку логика, лежащая в его основе, достаточно абсурдна, и если её применять, то можно было бы утверждать, что убийство посягает также на право собственности, поскольку лишает потерпевшего возможности им воспользоваться. Поэтому критерием должно быть не то, какие права могут быть нарушены в результате совершения преступления, а то, на нарушение каких прав сознательно посягал соответствующий преступник. То есть посягающий должен осознавать то, что своими действиями он посягает именно на репродуктивные права. Наличие такого осознания является критерием, в соответствии с которым необходимо выделять названные преступления.

В основе уголовно-правовой классификации преступлений, посягающих на репродуктивные права, должно лежать осознание виновным объекта посягательства. То есть виновный должен чётко понимать то, что цель его посягательства – названные права, либо допускать, что в результате его действий могут быть эти права нарушены. Это позволяет определить круг преступных посягательств на репродуктивные права. Это следующие составы преступления: убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ); изнасилование (ст. 131 УК РФ); половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершённое лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ); незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ); заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ); заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ); необоснованный отказ в приёме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трёх лет (ст. 145 УК РФ). Следует отметить то, что данный перечень не является исчерпывающим все преступные посягательства на репродуктивные права. Это всего лишь перечень составов преступлений, в которых однозначно усматривается посягательство на репродуктивные права человека.

Вместе с тем посягательство на репродуктивные права может иметь место и в случае совершения иных преступлений, к примеру, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), в результате которого были утрачены репродуктивные функции у лица, в отношении которого было совершено названное преступление. Даже в некоторых случаях неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ) при определённых условиях может повлечь за собой утрату репродуктивных функций человеком, что также должно рассматриваться, как покушение на его репродуктивные права. То есть вполне очевидно то, что перечень преступных посягательств, объектом которых могут быть репродуктивные права, достаточно велик и не исчерпывается названным выше перечнем составов, которые закреплены в УК РФ.

С появлением новых репродуктивных технологий появляется необходимость защиты репродуктивных прав от такого их применения, которое способно причинить вред либо ущемить в названных правах соответствующего человека [16]. Прежде всего, с развитием названных технологий встаёт вопрос о праве их применения и о праве их использования в различных, проблемных для конкретного человека ситуациях. Также встают и другие проблемы, которые связаны с новыми возможностями медицины в репродуктивной сфере. Таких проблем встаёт достаточно много, и все они высвечивают то, что, к сожалению, в настоящее время нет единства в подходах к их решению [17]. Связано это часто с неготовностью общества и государства воспринимать медицинские возможности по решению репродуктивных проблем [18]. Имеющиеся моральные, нравственные представления, формировавшиеся в течение веков и десятилетий, оказываются непригодными или, в лучшем случае, недостаточными для принятия решений в сфере воспроизводства человека. В частности, это проблема использования яйцеклетки вопреки воле женщины или использование семенной жидкости вопреки воле мужчины. Это также иные проблемы, связанные с суррогатным материнством [19], искусственным оплодотворением [20] и другие. Вполне очевидно то, что эти проблемы – это проблемы, затрагивающие репродуктивные права, которые нуждаются в своей защите, в том числе в уголовно-правовой защите. Одной из правовых проблем здесь является определение степени тяжести соответствующего деяния, которое посягает на репродуктивные права. Это во многом зависит от тех представлений, которые имеются в обществе на определённый момент. В настоящее время исследователи данной проблемы отмечают ситуационность в оценке деяний, которые совершаются в сфере репродукции и которые на данный момент не определены в законе, как противоправные. Однако, несмотря на это, вполне очевидно то, что названный выше перечень преступных посягательств, которые в уголовном законе определены, как преступные, будет пополняться. Но для того, чтобы это было возможным, чтобы этот процесс отвечал устремлениям общества к справедливости, необходимо определение и формулирование оснований для признания соответствующего деяния в сфере защиты репродуктивных прав преступным. В качестве одного из элементов такого основания должен выступать объект уголовно-правовой защиты, каковым являются репродуктивные права.

Представляется, что при определении в качестве объекта преступного посягательства необходимо говорить не о репродуктивном праве, а о репродуктивных правах. Это обусловлено тем, что это не одно, а целый ряд прав, от реализации которых зависит реализация человеком репродуктивной функции. Человек при этом вправе самостоятельно решать вопрос о реализации или об отказе от реализации своей репродуктивной способности в конкретной, сложившейся ситуации. Данных прав достаточно много, но к тем, которые в настоящее время защищаются уголовным законом, следует отнести следующие: право на добровольное зачатие ребёнка; право на безопасное для жизни и здоровья прерывание беременности; право на поддержание и сохранение репродуктивного здоровья; право на благоприятные для реализации репродуктивной функции социальные и иные

условия. Помимо этого, в настоящее время ставится вопрос о необходимости уголовно-правовой защиты такого права, как права на искусственное оплодотворение, а также права на применение репродуктивных медицинских технологий. Также встает проблема защиты эмбриона, что также ставит вопрос о выделении ещё одного права, которое должно защищаться уголовным законом.

Названные проблемы, связанные с уголовно-правовой защитой репродуктивных прав, являются проблемами, с решением которых нельзя откладывать, поскольку это самым непосредственным образом связано с демографической ситуацией. По этой причине их решение связано с тем, насколько будет успешной демографическая политика. Их решение должно быть частью этой политики. То есть определение объекта уголовно-правовой защиты – это не только проблема права, но и проблема проводимой в государстве демографической политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романовский Г. Б. Понятие репродуктивных прав в современном мире / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2015. — № 7. — С. 31–45.
2. Бурдо Е. П. Проблемы выделения института репродуктивных прав человека в российском праве / Е. П. Бурдо, И. Г. Гаранина // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 5. — С. 61–68.
3. Виноградова Д. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации / Д. Виноградова // Вести научных достижений. — 2019. — № 4. — С. 29–31.
4. Гаранина И. Г. Вопросы реализации соматических прав человека в социальной и демографической политике / И. Г. Гаранина, К. Б. Искрева // Марийский юридический вестник. — 2017. — № 1 (20). — С. 77–79.
5. Герасименко Н. С. К вопросу о конституционных основах института репродуктивных прав в Российской Федерации / Н. С. Герасименко // Вестник Евразийской академии административных наук. — 2020. — № 1 (50). — С. 66–73.
6. Исупова О. Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности / О. Г. Исупова // Демографическое обозрение. — 2017. — Т. 4, № 1. — С. 35–64.
7. Кручинина Н. В. Юридическая ответственность за злоупотребления и преступления в сфере искусственной репродукции человека / Н. В. Кручинина // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 6 (151). — С. 48–52.
8. Романовский Г. Б. Уголовная ответственность за нарушения в сфере репродуктивных технологий / Г. Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2014. — № 3 (7). — С. 67–77. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — Дата публикации: 30.09.2014.
9. Сидоренко Э. А. Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: современные вызовы / Э. А. Сидоренко // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12, № 2. — С. 147–153.
10. Дядюн К. В. Соотношение репродуктивных прав и интересов с иными объектами уголовно-правовой охраны / К. В. Дядюн // Вопросы современной юриспруденции. — 2017. — № 1 (63). — С. 78–86.
11. Кручинина Н. В. Проблемы охраны репродуктивных прав человека / Н. В. Кручинина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2019. — № 1. — С. 159–164.
12. Климентьева Е. В. Понятие и сущность половой неприкосновенности как объекта уголовно-правовой охраны / Е. В. Климентьева // Вестник науки и образования. — 2019. — № 9-1 (63). — С. 69–72.
13. Стетюха М. П. Сексуальная свобода как объект уголовно-правовой охраны: некоторые аспекты / М. П. Стетюха // Альманах современной науки и образования. — 2016. — № 3 (105). — С. 120–123.
14. Кручинина Н. В. Возможности криминалистики в системе мер по обеспечению безопасности в сфере репродуктивных прав / Н. В. Кручинина // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2019. — № 2 (24). — С. 155–157.

15. Дядюн К. В. Защита репродуктивных прав и интересов в уголовном законодательстве РФ и странах бывшей Югославии: сравнительно-правовой анализ / К. В. Дядюн // *Universum: экономика и юриспруденция*. — 2019. — № 1 (58). — С. 14–19.

16. Малышева Ю. Ю. Уголовно-правовые аспекты репродуктивных прав человека / Ю. Ю. Малышева // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф. — Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. — С. 233–235.

17. Тарусина Н. Н. Репродуктивные технологии: семейно-правовой аспект / Н. Н. Тарусина // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. — 2008. — № 10. — С. 26–29.

18. Самойлова В. В. Межотраслевое регулирование отношений в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) / В. В. Самойлова // *Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО*. — 2009. — № 4. — С. 163–167.

19. Карпов Н. Н. Правовое регулирование суррогатного материнства в России / Н. Н. Карпов, В. А. Колесникова // *Полиаматис*. — 2017. — № 3. — С. 23–28.

20. Колоколов Г. Р. Правовые основы медицинского вмешательства в репродуктивную деятельность человека (искусственное оплодотворение) / Г. Р. Колоколов // *Медицинское право*. 2005. — № 2. — С. 28–30.

REFERENCES

1. Romanovskii G. B. The Concept of Reproductive Rights in the Modern World *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law*, 2015, no. 7, pp. 31-45 (in Russian).

2. Burdo E. P., Garanina I. G. The Problem of Allocating Reproductive Institute of Human Rights in Russian Law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2015, no. 5, pp. 61-68 (in Russian).

3. Vinogradova D. Legal Regulation of Assisted Reproductive Technologies in the Russian Federation. *Vesti nauchnykh dostizhenii = Conduct Scientific Achievements*, 2019, no. 4, pp. 29-31 (in Russian).

4. Garanina I. G., Iskrevka K. B. Issues of Implementation of Human Somatic Rights in Social and Demographic Policy. *Mariiskii iuridicheskii vestnik = Mary Law Bulletin*, 2017, no. 1 (20), pp. 77-79 (in Russian).

5. Gerasimenko N. S. On the Constitutional Foundations of the Institute of Reproductive Rights in the Russian Federation. *Vestnik Evraziiskoi akademii administrativnykh nauk = Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*, 2020, no. 1 (50), pp. 66-73 (in Russian).

6. Isupova O. G. Assisted Reproductive Technologies: New Opportunities. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*, 2017, vol. 4, no. 1, pp. 35-64 (in Russian).

7. Kruchinina N. V. Legal Liability for Abuses and Crimes in the Field of Artificial Human Reproduction. *Lex russica*, 2019, no. 6 (151), pp. 48-52 (in Russian).

8. Romanovskii G. B. Criminal Liability for Violations in the Sphere of Reproductive Technologies. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2014, no. 3 (7), pp. 67-77. Available at: <http://esj.pnzgu.ru>. (in Russian).

9. Sidorenko E. L. Criminal Law Protection of Reproductive Health: Current Challenges. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 147-153 (in Russian).

10. Diadiun K. V. Parity of the Reproductive Rights and Interests with Other Objects Criminally-Right Protection. *Voprosy sovremennoi iurisprudentsii = Issues of modern jurisprudence*, 2017, no. 1 (63), pp. 78-86 (in Russian).

11. Kruchinina N. V. The Issues of Protecting Reproductive Rights. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Bulletin of Russian New University. Man and Society*, 2019, no. 1, pp. 159-164 (in Russian).

12. Kliment'eva E. V. The Concept and Essence of Sexual Inviolability as an Object of Criminal Law Protection. *Vestnik nauki i obrazovaniia = Bulletin of Science and Education*, 2019, no. 9-1 (63), pp. 69-72 (in Russian).

13. Stetiukha M. P. Sexual Freedom as an Object of Legal Protection: Some Aspects. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia = Almanac of Modern Science and Education*, 2016, no. 3 (105), pp. 120-123 (in Russian).

14. Kruchinina N. V. Forensic Capabilities in the System of Security Measures in the Field of Reproductive Rights. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniia = Crime Investigation: Problems and Ways to Solve Them*, 2019, no. 2 (24), pp. 155-157.

15. Diadiun K. V. Protection of the Reproductive Rights and Interests in the Criminal Legislation of the Russian Federation and the Countries of the Former Yugoslavia: Rather-legal Analysis. *Universum: ekonomika i iurisprudentsiia = Universum: economics and jurisprudence*, 2019, no. 1 (58), pp. 14-19 (in Russian).

16. Malysheva Iu. Iu. *Ugolovno-pravovye aspekty reproduktivnykh prav cheloveka* [Criminal Legal Aspects of Reproductive Human Rights]. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti (IV Saratovskie ugolovno-pravovye chteniia). Sbornik statei po materialam IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* [Criminal Law Impact and its Role in Crime Prevention (IV Saratov Criminal Law Readings). Collection of Articles on the Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saratov, Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaiia akademiia Publ., 2019, pp. 233-235.

17. Tarusina N. N. Reproductive Technology: the Family and Legal Aspect. *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriiia Gumanitarnye nauki = Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Humanities Series*, 2008, no. 10, pp. 26-29 (in Russian).

18. Samoilova V. V. Intersectoral Regulation of Relations in the Field of Application of Auxiliary Reproductive Technologies (GRT). *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO = Economics, statistics and computer science. Bulletin UMO*, 2009, no. 4, pp. 163-167 (in Russian).

19. Karpov N. N., Kolesnikova V. A. Legal Regulation of Surrogacy in Russia. *Polimatis* = 2017, no. 3, pp. 23-28 (in Russian).

20. Kolokolov G. R. Legal Framework for Medical Intervention in Human Reproductive Activities (Artificial Insemination). *Meditinskoe pravo = Medical Law*, 2005, no. 2, pp. 28-30 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольный Николай Александрович — заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент, 420126, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана 12а, Российская Федерация; e-mail: ipk-saransk@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podol'nyy Nikolay A. — Head, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Institute (branch), The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Associate Professor, 12a Fatykh Amirkhan Street, Kazan, 420126, the Russian Federation; e-mail: ipk-saransk@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Подольный Н. А. Объект уголовно-правовой защиты репродуктивных прав / Н. А. Подольный // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 4 (32). — С. 124–131. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-15.

FOR CITATION

Podol'nyy N. A. Object of Criminal Protection of Reproductive Rights. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 124-131, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-15. (In Russian).